

В.В. Бабашкин*

V.V. Babashkin*

**О научном наследии
Г.А. Герасименко: демократия
и народовластие как антонимы****

**Regarding the Scientific Heritage
of G.A. Gerasimenko: “Democracy”
and “People’s Power” as Antonyms****

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-1

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-1

УДК 94:93(470)«19»

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Бабашкин В.В. О научном наследии Г.А. Герасименко: демократия и народовластие как антонимы // Исторический курьер. 2021. № 4 (18). С. 9–16. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-01.pdf>

Babashkin V.V. Regarding the Scientific Heritage of G.A. Gerasimenko: “Democracy” and “People’s Power” as Antonyms // Historical Courier, 2021, No. 4 (18), pp. 9–16. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-01.pdf>

Abstract. The article emphasizes that it is quite a necessary and timely task for modern historical research of the Russian Revolution of the twentieth century to pay substantially closer attention to investigating the role of the grassroots organizations of peasantry in the Revolution. The scientific heritage of an outstanding historian G.A. Gerasimenko helps to see the overall picture of the revolution in a significantly different way as compared to what Soviet historiography offered in this regard, let alone the post-Soviet version of the events. The possibility to rely on more adequate ideas about the level of people’s power (not “democracy”) in Russia in the first decades of the twentieth century allows us to move away from the theory of progress as a methodology of historical research. This theory considers the economic aspects of historical development as the basis that forms the logic of the political history of our country in the recent period, and this is in common for both the Soviet and anti-Soviet historiography. One of the results of preservation of this theoretical approach in historical science, with its idea of “universal human values”, was an absurd and offensive to our country resolution of the European Parliament in September 2019 “On the importance of preserving historical memory for the future of Europe”. The approach to the events of the Russian Revolution offered in the article allows us to see that it was primarily a peasant revolution, which was described in detail by V.P. Danilov, V.M. Bukharaev, T. Shanin (England) and continues to be described by V.V. Kondrashin, D.I. Lyukshin (Kazan) and other historians. It also makes it possible to question equalizing the very notions “democracy” and “people’s power”.

Keywords: democracy; people’s power; theory of progress; liberalism; scientific heritage; peasant revolution; Stolypin reform.

The article has been received by the editor on 07.04.2021.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье поставлен вопрос о том, насколько необходимым и своевременным является для современной отечественной историографии Русской революции XX в. качественно более пристальное внимание к выяснению роли низовых организаций крестьянства в революции. Научное наследие выдающегося историка Г.А. Герасименко помогает увидеть общую картину революции существенно иначе по сравнению с тем, что предлагала в этом плане советская историография, не говоря уже о нынешней постсоветской. Возможность

* **Бабашкин Владимир Валентинович**, доктор исторических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, e-mail: vbabashkin@ranepa.ru

Babashkin Vladimir Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, e-mail: vbabashkin@ranepa.ru

** Статья написана в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

опираться на более адекватные представления об уровне народовластия в России и его формах в первые десятилетия XX в. позволяет уходить от такой методологии исторического исследования, как теория прогресса с ее эконоцентризмом, которая и создавала основу для выстраивания логики политической истории нашей страны новейшего периода как в советской, так и в антисоветской историографии. Одним из результатов консервации этого теоретического подхода в исторической науке с его представлением об «общечеловеческих» ценностях стала нелепая и оскорбительная для нашей страны резолюция Европарламента в сентябре 2019 г. «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы». Предлагаемый в статье угол зрения на события Русской революции позволяет увидеть, что в тот период развивалась крестьянская революция, о которой подробно писали В.П. Данилов, В.М. Бухараев, Т. Шанин (и продолжают писать В.В. Кондрашин, Д.И. Люкшин и некоторые другие историки). Он позволяет также поставить под вопрос знак тождества между понятиями «демократия» и «народовластие».

Ключевые слова: демократия; народовластие; теория прогресса; либерализм; научное наследие; крестьянская революция; столыпинская реформа.

Попробую объяснить, почему, с моей точки зрения, сейчас пришло самое время для историков всерьез обратить внимание на содержание и основные результаты научных исследований Григория Алексеевича Герасименко. Дело в том, что главный интерес этого безусловно выдающегося ученого всегда был сосредоточен на органах власти и самоуправления российских крестьян в годы Русской революции, т.е. в те годы, когда общинное крестьянство составляло не просто большинство населения страны – оно на порядок превосходило любое другое сословие или класс. В течение последних более чем трех десятилетий нашей общественности настырно предлагалась версия «Великой российской революции 1917 года», и, к сожалению, многие историки-профессионалы не удержались от того, чтобы в этом поучаствовать. У «демократии», мол, был шанс в феврале взять власть и повести страну по пути приверженности «общечеловеческим ценностям», но, в силу хитросплетения многих обстоятельств, не срослось, и в октябре Россия направилась в сторону «автократии» и «тоталитаризма»¹.

Это либерально-прогрессистская доктрина, и в ее рамках мышление неизбежно направляется в сторону разоблачения «сталинизма». А от этого, как выясняется, один шаг до такого позорного события, как принятие Европарламентом в сентябре 2019 г. (к 80-летию начала Второй мировой войны) резолюции «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», согласно которой Сталин и Гитлер одинаково виновны в развязывании той войны. Это уже не звоночек – набат: пора уходить без оглядки от этой историософии. А куда? Обрато к так называемому «научному коммунизму»? Ни в коем случае. Последний, как и доктрина рыночного либерализма, лишь ипостась теории прогресса², и в этом смысле не вполне адекватен в объяснении сути и смысла важнейших событий нашей новейшей истории³. К счастью, в отечественной аграрной историографии есть глубокие исследования, материалы которых просто не позволяют загнать в рамки прогрессистских доктрин революционные события, в частности, Октябрь 1917 г.

Известному историку-аграрнику Петру Серафимовичу Кабытову посчастливилось быть близко знакомым с Г.А. Герасименко, даже дружить. В 2016 г. он опубликовал отдельное издание о жизни и творчестве Григория Алексеевича. «Это лишь первый шаг в изучении его жизни и научной деятельности», – пишет он, очевидно, не сомневаясь в необходимости

---

¹ См.: История России. 10 класс. Учебник для общеобразовательных организаций. М., 2017. Ч. 1. С. 27–44.

² См.: Шанин Т. Идея прогресса // Вопросы философии. 1998. № 8. С. 33–38.

³ Хотя европейская резолюция свидетельствует, что в оценках Второй мировой войны, а тем более Великой Отечественной войны, научный коммунизм все же куда ближе к правде. А вот в анализе Русской революции, как мне представляется, обе вариации на темы прогресса находятся от правды практически в равноудаленном положении – см.: Бабашкин В.В. Русская революция в контексте крестьяноведения // Общественные науки и современность. 2014. № 4. С. 97–107.

дальнейших шагов⁴. Я тоже имею такую уверенность и уже делал попытку объяснить, почему, опубликовав рецензию на данную научно-биографическую работу П.С. Кабытова⁵. Вкратце это объяснение сводится к тому, что человеку, в деталях знающему, что происходило в крестьянской деревне на одном из пиков революционных событий, т.е. в 1917 г., было бы противоестественно примыкать в лихие 1990-е к той разнузданной критике большевистского переворота, которая стала началом идеологической переработки российской истории. Хотя бы ради этого нам всем сегодня необходимо приобщаться к подобному знанию.

«Г.А. Герасименко не было ни среди защитников Белого дома, ни среди тех, кто поддерживал ГКЧП, – пишет П.С. Кабытов. – Ему претили такие жесты некоторых партийных вождей, как публичный выход из КПСС. Его не было и среди тех историков, которые еще вчера рьяно отстаивали марксистско-ленинские постулаты (как директор Института военной истории генерал Волкогонов), а уже 22 августа [1991 г. – В. Б.] побежали в архивы с тем, чтобы найти в истории России побольше “жареных фактов”»⁶.

П.С. Кабытов вспоминает, как за три с половиной года до ГКЧП в ответ на пропагандистскую шумиху «перестроечной» прессы вокруг пьесы М. Шатрова «Дальше... дальше... дальше» Г. Герасименко в соавторстве с двумя единомышленниками опубликовал статью в «Правде»⁷. Наверное, это была отчаянная попытка образумить нашу общественность, опьяненную иллюзией легкого исторического знания и, следовательно, несложных ответов на главные вопросы. Я хорошо помню, как мощно подобного рода литература и искусство формировали тогда общественное мнение. А профессиональному исследователю аграрных отношений революционной поры манипуляция автора пьесы была ясна, как божий день: он «увел народ со сцены изображаемых им действий», а предельно запутанный исторический контекст подменил банальным кабинетным спором, «где нет ни врагов, ни союзников, ни правых, ни виноватых – есть подсудимые большевики и их судьи – белые генералы, меньшевики и эсеры»⁸.

Привлекая внимание читателей к факту существования книги о Г.А. Герасименко, написанной его коллегой и другом, подчеркну, насколько обоснованным и плодотворным представляется мне жанр научно-биографического очерка при анализе наиболее интересных достижений отечественной аграрной историографии.

В причудливом переплетении фактов житейской и научной биографии видится мне какая-то предопределенность. Г.А. Герасименко был родом из крестьян, как и громадное большинство его сверстников, следовательно, получил в нагрузку крестьянский здравый смысл (по-английски: “*common sense*” – коммунальное, общинное мироощущение; штука, надо признать, ядовитая для любой политической идеологии, пытающейся идти с ним вразрез). Окончив среднюю школу, какое-то время работал учителем в семилетке родного села. Затем военно-летное училище, Корейская война, демобилизация по ранению. Добавив, со слов его биографа, глубокую человеческую порядочность и высокий профессионализм историка, мы поймем, что низовые крестьянские организации в деревнях Нижнего Поволжья в 1917 – первой половине 1918 г., выбранные им в качестве темы докторской диссертации, были просто обречены на самое дотошное историческое исследование. «Нужно прямо сказать, что он был трудоголиком, – пишет П.С. Кабытов, поражаясь обширности собранной ученым картотеки выписок из архивных и других источников по главному объекту своего исследовательского интереса. – Не каждый из историков будет изо дня в день приходить в читальные залы архивов и библиотек. И все это только для того, чтобы восстановить подлинную картину революционных событий 1917 г.»⁹

И не только 1917-го. Во введении к монографии «Народ и власть» исследователь подчеркивает: «Предлагаемая читателям книга является продолжением цикла работ, изданных в 90-х

⁴ Кабытов П.С. Жизнь и творчество профессора Григория Алексеевича Герасименко. Саратов, 2016. С. 8.

⁵ Бабашкин В.В. О пользе консерватизма, или Чему обязаны? // Крестьяноведение. 2019. № 3. С. 195–200.

⁶ Кабытов П.С. Жизнь и творчество профессора... С. 56.

⁷ Герасименко Г., Обичкин О., Попов Б. Неподсудна только правда // Правда. 1988. 15 февр.

⁸ См.: Кабытов П.С. Жизнь и творчество профессора... С. 52–23.

⁹ Там же. С. 129.

годах: “Земское самоуправление в России” (М., 1990); “Первый акт народовластия в России: общественные исполнительные комитеты (1917 г.)” (М., 1992). Она подготовлена на основе самых разнообразных документов и материалов, как опубликованных, так и выявленных в центральных и местных архивах. В книге использована также периодическая печать того времени, данные исследовательской литературы»¹⁰.

Для существования органов земского самоуправления год 1917 был, конечно, последним, но далеко не первым. Земская реформа Александра II – один из символов российского либерализма. И связанную с ней историческую реальность теория прогресса и крестьяноведение рассматривают под разными углами зрения. Такая «конфессия» прогрессизма, как научный коммунизм, трактовала ту реформу царя-либерала как безусловно прогрессивную, но дворянски и буржуазно ограниченную, что для того времени было неизбежностью, поскольку до более высокого типа демократии в виде диктатуры пролетариата страна, мол, еще не созрела. Антикommунизм, в который на рубеже 1980–1990-х гг. с удивительной легкостью перекрестились многие вчерашние адепты коммунизма, исходил и продолжает исходить из сугубо демократической природы всех либеральных начинаний в российской истории пореформенной поры. Исторические герои на страницах тогдашних сочинений столь же легко превращались в антигероев. Их места занимали Александр Освободитель, Столыпин-реформатор, люди, рвавшиеся к власти (и дорвавшиеся было) в феврале 1917 г., и т.д.

И в это время вышла из-под пера большого историка и прекрасного специалиста по низовым крестьянским организациям книга «Земское самоуправление в России». Удержаться от прелестей нового либерально-демократического мышления в монографии на такую тему мог только отличный знаток исторических форм сельского общинного самоуправления и тех метаморфоз, которые происходили с ними в год одного из пиков Русской революции. И при этом необходимо было обладать теми профессиональными и человеческими качествами, о которых я упомянул выше.

Тема общественных исполнительных комитетов в литературе последних десятилетий о революции звучит как-то под сурдинку. Дело в том, что формально эти структуры создавались Временным правительством, следовательно, по основным понятиям советской историографии, они не могли носить никакой иной характер, кроме как «буржуазно-реакционный». В современном антисоветском «мейнстриме» дружное и скорое создание этих органов власти, по идее, следует преподнести как прогрессивные «буржуазно-демократические» изменения в политической системе страны, причем революционного характера. Но и это явная натяжка и уход от исторической реальности. А реальность-то как раз и состояла в том, что крестьяне, опираясь на развитую и вполне функционирующую систему своих низовых организаций, с самого начала марта приступили к практическому решению главного вопроса революции – земельного, шире – аграрного.

Министр-председатель Временного правительства князь Г.Е. Львов своим вынужденным циркуляром от 19 марта 1917 г. задним числом разрешил организацию таких комитетов. При создании комитетов на местах практиковались разнообразные системы выборов, разнообразными были численный состав этих комитетов, их структура, и назывались они по-разному: комитеты народной власти, общественной безопасности, исполнительные, революционные, распорядительные, народные комитеты, союзы, советы и т.д. Чтобы разбираться во всем этом многообразии, необходимо огромное трудолюбие в сочетании с настоящим талантом историка-исследователя.

Показав, что эти комитеты и советы покрыли территорию страны густой сетью на губернском, уездном, а самое главное, на сельском уровне, Г.А. Герасименко пришел к выводу, что это и было организационным оформлением народовластия в России, что губернские, уездные, волостные и поселковые (сельские) исполнительные комитеты «представляли собой звенья единого общественно-политического института, сложившегося в стране после свержения самодержавия»¹¹. Весной 1917 г. деревенские жители очень хорошо знали, как было бы справедливо распорядиться конкретными участками земли и сельскохозяйственных

¹⁰ Герасименко Г.А. Народ и власть (1917 год). М., 1995. С. 8.

угодий, поэтому «постановления сельских сходов, резолюции уездных, губернских и всероссийских собраний и съездов крестьяне рассматривали как закон»¹². Если это не народовластие, то что тогда оно?

Однако активная деятельность всех этих органов народовластия по революционному переустройству общества чаще всего шла вразрез с намерениями правительства в области осуществления аграрной политики, т.е. наткнулась на то, что в современной либеральной исследовательской литературе и публицистике принято отождествлять с «демократией». Уже 9 марта с ростом самовольных захватов земли, поджогов и других посягательств на права частных собственников Временное правительство постановило, что при подавлении крестьянских восстаний должно применяться оружие. В марте–мае войска посылались в двадцать уездов для охраны помещичьих имений от посягавших на их земли крестьян.

Причем это противостояние – «демократия против народовластия» – доходило до самых глубинных узлов сложившейся революционной политической системы. Г.А. Герасименко пишет об этом так: «Судя по материалам того времени, с первых же дней революции в деревнях установилась практика всеобщих выборов».

Ясно, что такой принцип избрания приводил к тому, что первоначально в комитетах оказывались представители всех слоев сельского населения.

Однако это продолжалось недолго. По мере того, как проходило опьянение от революции, спадало праздничное настроение и нужно было приступать к практической деятельности, крестьяне принимались за чистку комитетов. Их переизбирали прежде всего потому, что политика всеобщих комитетов не отвечала интересам крестьян-общинников. Уже в марте 1917 года из комитетов стали выводить старшин и старост, учителей и агрономов, фабрикантов и помещиков. Процесс очищения комитетов от нежелательных для крестьян элементов усилился в начале апреля, когда в связи с Пасхой сотни и тысячи солдат прибывали домой в краткосрочный отпуск и тем самым увеличивали радикальное крыло в деревне»¹³.

Становится лучше понятно, что за люди съехались в мае в качестве представителей уездов и волостей страны, а также воюющих на германском фронте подразделений в Петроград на I Всероссийский съезд крестьянских депутатов и что за проекты главной резолюции Съезда привезли они в виде тех самых 242 наказов с мест, что лягут потом в основу ленинского декрета «О земле». Понятно и недоумение этих людей, почему Съезд, который, по их разумению, только и был полномочен творить законы в России, никак не может принять соответствующее постановление, почему эсеровское руководство Съезда во главе с Н.Д. Авксентьевым столь упорно и изоциренно этому сопротивляется¹⁴.

Разочарованные трехнедельным «переливанием из пустого в порожнее», делегаты разъехались по домам творить законы и претворять их в жизнь самостоятельно, не оглядываясь на «демократию». «В сентябре–октябре, – читаем в книге “Народ и власть”, – крестьянские выступления происходили в подавляющем большинстве губерний. Как и прежде, основной удар крестьяне наносили по помещичьим имениям. По неполным данным, только в сентябре крестьяне разгромили 958 имений (в мае таких случаев было 152, июне – 112, июле – 327, августе – 440). В споре крестьян с помещиками власти использовали последний аргумент – вооруженную силу, подкрепленную пулеметами и пушками»¹⁵.

В специальной литературе можно достаточно подробно почитать, как развивались эти события, как осуществлялось тогда народовластие. Но от такого чтения может возникнуть вопрос: так, может быть, это и был главный событийный ряд Русской революции? Может

¹¹ См.: Герасименко Г.А. Первый акт народовластия в России: Общественные исполнительные комитеты. М., 1992. С. 4, 298.

¹² Герасименко Г.А. Низовые крестьянские организации в 1917 – первой половине 1918 годов: на материалах Нижнего Поволжья. Саратов, 1974. С. 94.

¹³ Герасименко Г.А. Народ и власть... С. 40–41.

¹⁴ См.: Лавров В.М. «Крестьянский парламент» России (Всероссийские съезды Советов крестьянских депутатов в 1917–1918 годах). М., 1996. С. 102; Марченя П.П. Социалисты-революционеры в России 1917 года: неонародники без народа // Научный диалог. Сер.: Общественные науки. 2013. № 12. С. 108–124.

¹⁵ Герасименко Г.А. Народ и власть... С. 237.

быть, происходившее в городах, о чем так любят писать прогрессивно мыслящие историки революции, было лишь производным от этого масштабного переустройства общества, которое вершил сам крестьянский народ, представлявший собою подавляющее большинство населения вчерашней империи?

Вспомним, что писал об этом В.П. Данилов: «Революционный напор сдерживался лишь сельскохозяйственными работами. Даже небольшая пауза между сенокосом и уборкой хлебов в июле сразу дала почти 2 тысячи официально зарегистрированных выступлений, связанных с нарушением земельных порядков. Настоящая крестьянская война развернулась с окончанием полевых работ – в конце августа–сентябре. С 1 сентября по 20 октября было зарегистрировано свыше 5 тысяч выступлений <...> Требования крестьянских наказов стали осуществляться до принятия 26 октября 1917 года ленинского декрета “О земле”, включившего в себя соответствующий раздел сводного наказа. И без этого декрета к весне 1918 года они были бы реализованы крестьянской революцией по всей России»¹⁶.

В другой своей работе В.П. Данилов подчеркивал, что в самом начале XX в. так называемыми «аграрными беспорядками» (когда порядок в эти беспорядки вносили еще не комитеты, а традиционные общинные органы самоуправления) в стране «начиналась крестьянская революция, на фоне (и основе) которой развертывались все другие социальные и политические революции, включая Октябрьскую 1917 г. <...> Крестьянская революция оставалась основой всего происходившего в стране и после Октября 1917 г. – до 1922 г. включительно. Аграрная революция в деревне и нежелание воевать крестьян, одетых в серые шинели, отдали власть большевикам. <...> Крестьянская революция заставила отказаться от продовольственной разверстки, ввести нэп, признать особые интересы и права деревни»¹⁷.

В 2017 г. читающая общественность нашей страны отмечала столетие революции большим количеством конференций, симпозиумов и других подобных мероприятий. По моим наблюдениям, тема крестьянского характера тех бурных событий если и звучала, то как-то робко, тонула в общем потоке самых разнообразных взглядов и концептуальных подходов. В результате и устоялся (надеюсь, на время) упомянутый выше странноватый паллиатив: «Великая российская революция 1917 года», в которой следует усматривать два этапа: Февраль и Октябрь.

В шестом номере журнала «Российская история» за 2018 г. была опубликована статья В.П. Булдакова «Революция, которую мы выбираем. Итоги и перспективы “юбилейного бума”». Авторитетный историк-аграрник В.В. Кондрашин был настолько возмущен тем, что в статье нет ни слова о новейшей литературе по крестьянской составляющей революционных событий 1917 г., по аграрному вопросу как важнейшему вопросу Русской революции XX в., что он обратился с эмоциональным, но весьма аргументированным открытым письмом к главному редактору, которое было опубликовано на сайте журнала. «Складывается впечатление, – пишет Кондрашин, – что крестьянству и вообще народу не место в высокоинтеллектуальной историографии российской революции. По крайней мере, так выглядит со стороны статья ведущего специалиста по данной проблеме в России».

В 2020 г. ситуация с письмом в редакцию почти повторилась. На этот раз законное возмущение В.В. Кондрашина вызвала статья М.Ю. Мухина «Сто лет изучения нэпа. Время подводить итоги?», опубликованная в пятом номере журнала. Бог, мол, с ней, с этой статьей, если бы она называлась, скажем, «Некоторые итоги столетнего изучения промышленности, торговли и других сфер экономики СССР в годы нэпа» или как-то в этом духе. Но любой историк скажет, что в статье со столь помпезным названием полностью обойти молчанием крестьянское сельское хозяйство страны, это как у Крылова в басне «Любопытный»: «Слона-то я и не приметил». Я сказал «почти повторилась», т.к. на этот раз главному научному сотруд-

¹⁶ Данилов В.П. Не смей! Всё наше! Крестьянская революция в России. 1902–1922 годы // Россия. 1997. Июль. С. 18.

¹⁷ Данилов В.П. Аграрная реформа и аграрные революции в России // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 314, 319.

нику Института российской истории РАН, руководителю Центра экономической истории твердо дали понять: появление такого письма на сайте «Российской истории» неуместно¹⁸.

В заключение приведем еще один аргумент в пользу злободневности обращения к научному наследию Г.А. Герасименко. В 1985 г. у Григория Алексеевича в издательстве Саратовского университета была опубликована великолепная монография «Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики». Та романтизация столыпинской реформы и образа самого реформатора, под знаком которой наша историография развивается последние три десятка лет, оказалась возможна только при условии полного забвения этого текста, в котором приводится множество потрясающих документальных свидетельств умонастроений громадного большинства крестьян-общинников. Книга созвучна тому, что об этом пишет Дж. Пэллот¹⁹, но, пожалуй, написана более жестко и прямолинейно. Как сказано в аннотации, «автор выясняет причины неприятия крестьянами реформы Столыпина, показывает методы и формы борьбы крестьян против земельного переустройства и прослеживает динамику этой борьбы с момента издания указа 9 ноября 1906 г. и до провала реформы»²⁰.

Литература

Бабашкин В.В. О пользе консерватизма, или Чему обязаны? // Крестьяноведение. 2019. Т. 4. № 3. С. 195–200.

Бабашкин В.В. Русская революция в контексте крестьяноведения // Общественные науки и современность. 2014. № 4. С. 97–107.

Булдаков В.П. Революция, которую мы выбираем. Итоги и перспективы «юбилейного бума» // Российская история. 2018. № 6. С. 3–26.

Герасименко Г.А. Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985. 342 с.

Герасименко Г.А. Народ и власть (1917 год). М.: Воскресенье, 1995. 288 с.

Герасименко Г.А. Низовые крестьянские организации в 1917 – первой половине 1918 годов: на материалах Нижнего Поволжья. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1974. 341 с.

Герасименко Г.А. Первый акт народовластия в России: Общественные исполнительные комитеты. М.: НИКА, 1992. 349 с.

Данилов В.П. Аграрная реформа и аграрные революции в России // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 310–321.

Данилов В.П. Не смей! Всё наше! Крестьянская революция в России. 1902–1922 годы // Россия. 1997. № 7. С. 15–20.

История России. 10 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций: в 3 ч. М.: Просвещение, 2017. Ч. 1 / [М.М. Горинов, А.А. Данилов, М.Ю. Моруков и др.]; под ред. А.В. Торкунова. 175 с.

Кабытов П.С. Жизнь и творчество профессора Григория Алексеевича Герасименко. Саратов: Техно-Декор, 2016. 136 с.

Кондрашин В.В. Отклик на статью М.Ю. Мухина «Сто лет изучения нэпа. Время подводить итоги?» (Российская история. 2020. № 5. С. 3–14) // Крестьяноведение. 2021. Т. 6. № 1. С. 180–184.

Лавров В.М. «Крестьянский парламент» России (Всероссийские съезды Советов крестьянских депутатов в 1917–1918 годах). М.: ИРИ РАН, 1996. 236 с.

Марченя П.П. Социалисты-революционеры в России 1917 года: неонародники без народа // Научный диалог. Сер.: Общественные науки. 2013. № 12. С. 108–124.

¹⁸ В редакции журнала «Крестьяноведение» сочли это нелепостью, и было принято решение опубликовать Письмо на страницах журнала. – См.: *Кондрашин В.В.* Отклик на статью М.Ю. Мухина «Сто лет изучения нэпа. Время подводить итоги?» (Российская история. 2020. № 5. С. 3–14) // Крестьяноведение. 2021. № 1. С. 180–184.

¹⁹ См.: *Пэллот Дж.* Разрушила ли общину столыпинская реформа // Отечественные записки. 2004. № 1. С. 172–187.

²⁰ *Герасименко Г.А.* Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики. Саратов, 1985. С. 2.

Мухин М.Ю. Сто лет изучения нэпа. Время подводить итоги? // Российская история. 2020. № 5. С. 3–14

Пэллот Дж. Разрушила ли общину столыпинская реформа // Отечественные записки. 2004. № 1. С. 172–187.

Шанин Т. Идея прогресса // Вопросы философии. 1998. № 8. С. 33–38.

References

Babashkin, V.V. (2014). Russkaya revoliutsiya v kontekste krestyanovedeniya [Russian Revolution in the Context of Peasant Studies]. In *Obshchestvennyye nauki i sovremennost*. No. 4, pp. 97–107.

Babashkin, V.V. (2019). O pol'ze konservatizma, ili Chemu obyazany? [On the Benefits of Conservatism, or To What do we Owe...?]. In *Krestyanovedeniye*. Vol. 4. No. 3, pp. 195–200.

Danilov, V.P. (1992). Agrarnaya reforma i agrarnyye revoliutsii v Rossii [Agrarian Reform and Agrarian Revolutions in Russia]. In *Velikiy neznakomets. Krestyane i fermery v sovremennoy mire*. Moscow, pp. 310–321.

Danilov, V.P. (1997). Ne smey! Vse nashe! Krestyanskaya revoliutsiya v Rossii. 1902–1922 [Don't you Dare! Everything is Ours! The Peasant Revolution in Russia. 1902–1922]. In *Russia*. No. 7, pp. 15–20.

Gerasimenko, G., Obichkin, O., Popov, B. (1988). Nepodsudna tol'ko pravda [Only Truth is Not Subject to Trial]. In *Pravda*. February, 15.

Gerasimenko, G.A. (1974). Nizovyye krestyanskiye organizatsii v 1917 – pervoy polovine 1918 godov: na materialakh Nizhnego Povolzhya [Grassroots Peasant Organizations in 1917 – the First Half of 1918: on the Materials of the Lower Volga Region]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta. 341 p.

Gerasimenko, G.A. (1985). Bor'ba krestyan protiv stolypinskoy agrarnoy politiki [The Struggle of Peasants Against the Stolypin Agrarian Policy]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta. 342 p.

Gerasimenko, G.A. (1992). Pervyy akt narodovlastiya v Rossii: Obshchestvennyye ispolnitelnyye komitety [The First Act of Democracy in Russia: Public Executive Committees]. Moscow, NIKA. 349 p.

Gerasimenko, G.A. (1995). *Narod i vlast (1917 god)* [People and Power (1917)]. Moscow, Voskresenie. 288 p.

Kabytov, P.S. (2016). *Zhizn' i tvorchestvo professora Grigoriya Alekseevicha Gerasimenko* [The Life and Work of Professor Grigoriy Alekseevich Gerasimenko]. Saratov, Tekhno-Dekor. 136 p.

Kondrashin, V.V. (2021). Otklik na statyu M.Yu. Mukhina “Sto let izucheniya nepa. Vremya podvodit itogi?” (Rossiyskaya istoriya. 2020. No. 5, pp. 3–14). [Response to the Article by M.Yu. Mukhin “One Hundred Years of Studying the NEP. Is that Time to Sum up?”]. In *Krestyanovedeniye*. Vol. 6. No. 1, pp. 180–184.

Lavrov, V.M. (1996). “Krest'yanskiy parlament” Rossii (Vserossiyskie s'ezdy krestyanskikh deputatov v 1917–1918 godakh) [“The Peasant Parliament” of Russia (All-Russian Congresses of Soviets of Peasant Deputies in 1917–1918)]. Moscow, IRI RAN. 236 p.

Marchenya, P.P. (2013). Sotsyalisty-revoliutsionery v Rossii 1917 goda: neo-narodniki bez naroda [Socialists-Revolutionaries in Russia in 1917: Neo-Populists Without People]. In *Nauchnyy dialog*. No. 12 (24): Social Sciences, pp. 108–124.

Mukhin, M.Yu. (2020). Sto let izucheniya nepa. Vremya podvodit' itogi? [One Hundred Years of Studying the NEP. Is that Time to Sum up?]. In *Rossiyskaya istoriya*. No. 5, pp. 3–14.

Pallot, J. (2004). Razrushyla li obshchinu stolypinskaya reforma [Whether the Stolypin Reform Destroyed the Peasant Community]. In *Otechestvennyye zapiski*. No. 1, pp. 172–187.

Shanin, T. (1998). Ideya progressa [The Idea of Progress]. In *Voprosy filosofii*. No. 8, pp. 33–38.

Torkunov, A.V. (Ed.), Gorinov, M.M., Danilov, A.A., Morukov, M.Yu., et al. (2017). *Istoriya Rossii. 10 klass. Ucheb. dlya obshcheobrazovatelnykh organizatsiy: v 3 ch. Ch. 1* [History of Russia. 10th Grade. Studies for General Education. Organizations]. Moscow, Prosveshchenie. 175 p.

Статья поступила в редакцию 07.04.2021 г.